

ГОД ПРИНЦЕССЫ БУКАШКИ

Юлий Буркин

MyWay

Юлий Сергеевич Буркин

Год Принцессы Букашки

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2624915

Год принцессы Букашки: М.; 2012

Аннотация

«... Ну вот. Мы провели с Букашкой ровно год и еще немножко. За этот срок из какого-то, честно говоря, не очень понятного существа она превратилась в настоящую, довольно забавную, девочку, и то ли еще будет! А ее близкие стали за год настоящей крепкой семьей».

Содержание

ПОДАРОК	4
1	5
2	8
3	12
4	16
5	20
ИСЦЕЛЕНИЕ ОТВАЖНОГО КРОТА	24
1	25
2	28
3	32
4	34
5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юлий Буркин

Год принцессы Букашки

*Дочке Саше,
Внучке Поле,
Сыну Тиме...
... и всем остальным детям!*

ПОДАРОК

1

Зайцы лежали в коробке. Коробка была открыта и стояла среди пеленок и распашонок на комодке возле окна. Зайцы старательно делали вид, что ничего не видят и не слышат.

– Ну, пойдем, принцесса, покушаем, – сказала мама, выходя с Сашкой на руках в другую комнату, – а потом – гулять.

Только они вышли, зайцы моментально ожили.

– Все-таки не пойму я, с чего это вдруг она ее принцессой называет?! – сварливо пробормотал Сиреневый заяц. – Сама, вроде, не королева...

– Глупый ты, – отозвался заяц Салатный. – Для любых родителей их дочка – самая что ни на есть настоящая принцесса.

– Ерунда какая! – возмутился Сиреневый. – Люди, просто, что попало придумывают, а ты их оправдываешь! А им если потакать, они так и будут... Ладно бы только «принцессой», они ж еще и «Букашкой» ее называют.

– Ну и что, – пожал плечами Салатный, – тебе жалко, что ли?

– Как это, «ну и что?!» – горестно сцепил лапки Сиреневый. – Совершенно с твоей стороны безответственное равнодушие! Зачем добавлять в мир чепухи, ее что, и без этого мало?! Вот мы с тобой, например, зайцы серьезные, положительные, и никакой такой чепухи не придумываем!

– Еще как придумываем, – усмехнулся Салатный и быстро потер друг о друга полосатые уши – так, как люди в предвкушении чего-то интересного делают ладошками. Он любил спорить, когда точно знал, что победит. – Вот я себя называю «Салатный», а салат не ем. А ты – Сиреневый, а вовсе не в зарослях сирени живешь...

– Ты специально, да? – насупился его собеседник. – Сам ведь прекрасно знаешь, что это совсем другое дело. Мы так называемся не с бухты-барахты, а по причине. Мы с тобой таких цветов!

– И она ПО ПРИЧИНЕ! – насмешливо прищурился Салатный. – Она такого размера.

Сиреневый открыл, было, рот, собираясь что-то сказать, затем тихонько закрыл его и от смущения приобрел дополнительный розоватый оттенок. Потом, не глядя на Салатного, протянул:

– Эх-х... – Какой я иногда бываю неумный. «Сашка маленькая, как Букашка». Они просто сократили: «Сашка-Букашка». Так получается?

– Так, конечно.

– Да-а... – продолжал сокрушаться Сиреневый. – Да-а... – И вдруг встрепенулся: – Ну, а если даже и так, все равно это как-то глупо: «Принцесса Букашка»! – передразнил он, помахивая лапками, словно взбивая из воздуха пену. – Нет, ну согласись, нелепо! Разве такое бывает – букашка и вдруг принцесса?!

– Тс-с! – тревожно наострил ушки Салатный. – Сюда
идут!

Зайцы притихли.

2

Пока в комнате были люди, зайцы старательно цепенели. Но когда хлопнула входная дверь...

– Не слишком ли она легко одета? – забеспокоился Сиреневый, садясь в коробке. – На улице сегодня холодина редкостная.

Салатный сел тоже, и они оба уставились в окно. Там действительно было невесело. Береза стояла полуголая, а на развесистой рябине совсем уже не осталось листьев. Густые красные гроздья выглядели на ней странно и зябко. А еще более странно и зябко выглядел лысоватый ворон, который сидел на ветке и пристально смотрел в окно.

– Зато красиво! – сказал Салатный неуверенно. – Снежок такой... Э-э...

– Холодный, – подсказал Сиреневый.

– Ну да, – вынужден был согласиться Салатный. – Но я, вообще-то, не про то. Я наоборот хотел сказать. «Новогодний».

Как ни странно Сиреневый не стал ни возражать, ни передразнивать. Они оба долго молчали, наблюдая, как катится по тёмным лужам Сашкина коляска, и прозрачная пленка чехла-дождевика на ней быстро покрывается корочкой подтаившего снега...

– Это ведь у нее будет первый в жизни Новый год, – ска-

зал, наконец, Сиреневый. – Самый что ни на есть первый. Представляешь?

Салатный задумчиво покивал, глядя, как, окончательно зачоченев, с березы на коляску спрыгивают желто-коричневые листья. Вдруг он встрепенулся и спросил:

– А что мы ей подарим?

– Мы?! – уставился на него Сиреневый.

– Вот в том-то и дело, что мы! – подтвердил Салатный азартно.

– А и правда! – воскликнул Сиреневый. – Лично я... – закатил он глаза. – Я!.. Э-э... – И сник.

Коляска свернула за угол и пропала из вида. Зайцы вздохнули и переглянулись. Действительно, что могут подарить игрушечные зайцы настоящей девочке?.. И вдруг в стекло постучали: «Тук-тук-тук!» Зайцы обернулись. Снаружи, на подоконнике за стеклом сидел ворон.

– Ар-рию! Подарите ей ар-рию! – выкрикнул он и знобко передернулся, – Бр-р-р! – а затем сипло пропел: – Какой я вор-рон? Я ме-ельник! Ах-ха-ха-ха-ха!

И, хлопая крыльями, странная птица умчалась прочь.

– Точно! – шлепнул себя по лбу Салатный. – Мы же можем для нее что-нибудь сочинить! Ну, если не арию, то хотя бы стихотворение.

– А мы сможем? – усомнился Сиреневый.

– Да чего там мочь?! – вскричал Салатный. – Нашел проблему! Их все, кому не лень, сочиняют!

Сиреневый продолжал смотреть недоверчиво. Тогда Салатный спросил его:

– Ты рифмы хотя бы придумывать можешь?

Сиреневый утвердительно кивнул.

– Ну и вот. Сделаем так: ты придумываешь рифмы, а я – все остальное.

3

– Новый год не придёт, – сообщил Сиреневый.

– Почему это? – испуганно вздрогнул Салатный.

– Ты не понял. Это моя первая рифма: «Новый год – не придёт».

– Ты уверен, что это удачная рифма?

– Уверен.

– Ладно, – Салатный задумчиво насупился, немного помычал, – «Му-му-му, мы-мы-мы... Мы-мы-мы, му-му-му...» Потом встал в позу, поднял вверх лапку и продекламировал:

*– Кто сказал, что Новый год
В эту зиму не придёт?.. —*

– он победно глянул на Сиреневого, и тот с готовностью выдал следующую пару:

– Отрыжка – кочерыжка.

Глаза Салатного слегка остекленели, но он почти без паузы прочел:

*– ...Не избежать тем отрыжки
От капустной кочерыжки!*

– Ракета с того света! – радостно взвизгнул Сиреневый.

– Если даже вдруг ракета
К нам с того примчится света...

– гаркнул Салатный и показал Сиреневому увесистый кулак.

Тот, скосив глаза в сторону, быстро забормотал: «Телефон – аттракцион, даун – нокдаун, дужка – кадушка...» Зеленый кулак приблизился к самому его носу. «Безмен – не спортсмен, его – торжество...» Кулак раскрылся, ладошка плотно прикрыла Сиреневому рот, и Салатный закончил:

– Мы отпразднуем его —
Новогодья торжество!

– Нет! – тут же завопил он, рухнув на спину. – Я не буду дарить принцессе Букашке такое стихотворение! Это ты виноват! Твои рифмы никуда не годятся!

– Да? – насупился Сиреневый. – Ты сначала стихи сочинять научись, а потом уже мои рифмы ругай... Давай-ка поменяемся.

– Давай! – коварно воскликнул Салатный. – Давай. Я сейчас тебе такую рифмочку придумаю, такую придумаю... «Ёлка – иголка»! – выкрикнул он и даже сам поморщился от разочарования.

Сиреневый сдвинул брови, пошевелил губами, потом расплылся в улыбке и продекламировал:

*– Если кто-то сам не ёлка,
Не растёт того иголка!*

Салатный слегка опешил, но тут же сказал:

– «Поёт – хоровод».

*– Тот, кто песни не поёт,
Тот, видать, не хоровод!*

– победно сообщил Сиреневый. Салатный дико на него глянул и осторожно сказал:

– «Зверушки – игрушки».

*– Вдруг насупились зверушки
И давай ломать игрушки!*

– «Дед мороз – принёс», – совсем уже обалдел Салатный. Зато Сиреневый не унывал:

*– С ними вместе Дед Мороз
Все сломал, что сам принес!*

– Вот так-то! – воскликнул он. – Вот это называется поэзия! Такое стихотворение и подарить не стыдно!

– Что?! – взвизгнул Салатный, – поэзия?! ЭТО нашей Букашке я тоже дарить не позволю!

– Я сочинил, хочу – дарю, хочу – не дарю!

– Неправда! – запальчиво возразил Салатный. – Рифмы-то мои! Их я дарить не разрешаю! Дари тогда без них.

Сиреневый задумался, пошевелил губами, видно, пытаюсь представить, что останется от его стихотворения без рифм, сник и сказал:

– Ты – подлый бесчестный заяц. Ты все это подстроил специально. Позавидовал моему таланту...

– Ну, а что теперь поделаешь, развел лапки Салатный. – Ничего не поделаешь... Давай-ка, лучше, каждый сочинит своё, без посторонней помощи, и подарит.

– Не умею я без посторонней помощи стихи писать, – признался Сиреневый.

– Это хорошо, – загадочно отозвался Салатный. – Давай тогда не стихи, а сказки напишем.

– Давай! – обрадовался Сиреневый, и они надолго замолчали.

4

Уже вечером, когда мама искупала Букашку, и все в доме уснули, зайцы в коробке вновь тихонько завозились.

– Ну? – шепотом спросил Салатный. – Придумал?

– А ты?

– Я первый спросил.

– У-у, какой вредный... Ну... Придумал.

– Рассказывай.

– А почему опять я?!

– Я первый спросил.

– У-у... Ладно. Слушай. Называется «Сказка о тесте».

– Хе-хе.

– Чего «хе-хе»?

– Уже смешно.

– Ничего смешного. Глупый какой-то смех. Слушай. Жили-были кое-какие люди. И вот решили они однажды испечь кое-какие пирожки...

– С капустой? – перебил Салатный.

– Почему обязательно с капустой? Я сказал, «кое-какие».

– Но ты ведь не сказал, «кое с чем». Пусть будут «кое-какие с капустой».

– Ладно. Пусть будут, – Сиреневый мстительно покосился на собеседника, помолчал, а потом проронил: – Вот и сказке конец.

– Как конец?! – изумился Салатный.

– А вот так.

– И при чем тут тесто?!

– А из чего еще испекли пироги?

– Так ведь не испекли, а только решили!..

– Будь спокоен. Раз решили, значит испекли. Да. Но если бы кое-какие зайцы, я бы даже сказал, «кое-какие с ушами», не лезли, куда их не просят, она была бы длиннее.

– Ладно тебе, – примирительно сказал Салатный. – Я больше не буду. Рассказывай дальше.

– Честное слово, не будешь?

Салатный кивнул.

– Ну, тогда слушай. Испекли, значит, они пироги. А что делать с ними, не знают.

Одной лапой зажав себе рот, Салатный стал изо всех сил тянуть вторую, мол, я знаю, я! Меня, меня, спросите... Сиреневый сурово молчал, и Салатный, обмякнув, опустил лапу. Сиреневый выждал немного еще, потом спросил:

– Ты что-то хотел сказать?

– Да нет, нет, – помотал головой Салатный. – Ничего, продолжай...

– А тебе нравится моя сказка?

– Ну-у... Честно говоря, событий как-то маловато, – признался Салатный, но тут же поспешно добавил: – Но ты же еще не закончил.

– Вот именно, – сказал Сиреневый значительно. – Слушай

дальше... На чем я остановился?.. Ага... И вот решили они отвезти эти пироги в тридевятое царство и там продать. Снарядили огромный-преогромный корабль и отправились через море-океан. А по дороге на них напали свирепые пираты. Но вдруг налетел сильный ветер, напоззли тучи, и начался страшный ураган. Пираты взяли сундук с сокровищами и сели в шлюпку. Но ударила молния и разбила шлюпку в щепки. Пираты утонули, а наши люди надели спасательные круги. Корабль пошел ко дну, а люди остались бултыхаться в бушующих волнах, среди пирожков. – Сиреневый говорил все быстрее и быстрее. – Тут приплыла огромная злая рыба, начала с пирожков, а потом проглотила и людей. В брюхе у рыбы они обнаружили пиратский сундук. Растолкали сокровища по карманам, а сундук подожгли. У рыбы началась изжога, она стала метаться по океану, потеряла бдительность, и ее поймали рыбаки. И решили сделать рыбный пирог. Раскатали тесто и стали рыбу резать. Глядь, а внутри – люди, да еще с полными карманами сокровищ...

Сиреневый смолк, и пауза длилась довольно долго. Потом, отдышавшись, он добавил:

– То-то было весело. Тут и сказочке конец... Уже точно.

Салатный, не глядя на него, подавленно кивнул.

– Но я передумал эту сказку дарить Букашке, – сказал Сиреневый. – Какая-то она не очень новогодняя.

Салатный обрадовано поднял глаза и снова покивал.

– Теперь ты рассказывай, – сказал ему Сиреневый. – Мо-

жет, твоя лучше, тогда мы ее вместе подарим.

5

– Хотя, я тут подумал... – сказал Салатный. – Вообще-то твоя сказка довольно неплохая... – Он фальшиво улыбнулся. – И довольно новогодняя...

– Не юли! Свою, давай, рассказывай!

– Ну, слушай, – вздохнул Салатный. – Значит, э-э-э, жила-была одна черепаха...

– А как называется?

– Звали черепаху... э-э-э...

– СКАЗКА как называется?!

– А-а... Сказка называется «Черепаха».

– А что это такое?

– Ты не знаешь, что такое черепаха?! Ну, ты даешь! Ну, у нее еще панцирь такой... Как коробочка... В клеточку... Или как домик... Ну, ладно. Раз не знаешь, тогда пусть жила-была одна улитка... Что такое улитка ты знаешь?

– Знаю, знаю. А теперь как называется твоя сказка?

– «Улитка». Ну, вот. Сама она была желтенькая, а домик у нее на спине был голубенький, а рамы на окнах золотистые. И звали ее Поинка. Однажды шла она по улице. Шла, шла... Шла, шла...

– Что-то долго она шла.

– Улитки вообще медленно ходят. Даже медленнее, чем черепахи.

– А ты тогда пропусти, как она шла.

– Ладно. Хоть это и неправильно... Надо, чтобы ты понял, как ей самой это надоело. Вот шла она, шла, и ей уже сильно надоело идти, когда она встретила УЛИТОЧНОГО Деда Мороза. Домик у него был красненький, а сам он был весь беленький...

– С бородой?

– Ну, конечно! Ну, еще бы! Вот. И говорит улиточный Дед Мороз нашей Полинке: «Ну, здравствуй, девочка. С наступающим тебя Новым годом. Загадай желание, и я его исполню. В подарок».

– Он что, был волшебник?

– Конечно. Деда Морозы все волшебники. Подумала, подумала Полинка и говорит: «Хочу быстрые-пребыстрые ноги». Почесал улиточный Дед Мороз за рожками и говорит: «Понимаешь, Полинка, если у тебя будут быстрые ноги, то ты ведь уже не будешь улитка...» «А и не надо! – говорит та. – Я и не просила, чтобы меня улиткой сделали!» «Ого! – говорит Дед Мороз. – А ты, я вижу, улиточка без комплексов. Раз так, может, тебе еще и крылышки пришпандорить?» «А давай! – обрадовалась та. – Голубенькие!» «Но учти, это вместо домика, – предупредил Дед Мороз. – Ведь или уж домик, или крылья, одно из двух...» «Давай, давай! – говорит Полинка. – Мне уже не терпится!» «Смотри, не пожалей», – говорит Дед Мороз. Достал из своего домика волшебную палочку и – р-раз! Превратил Полинку в бабочку. Подпрыгну-

ла она, руки-ноги растопырила, крылышками голубенькими, с золотистыми прожилками, взмахнула, засмеялась и в небо улетела. Вот и сказке конец.

– И она не пожалела? – настороженно спросил Сиреневый.

– Ни капельки.

– А не замерзла?

– Замерзла. Но все равно не пожалела.

– Лучше бы летом крылья, а зимой – домик. По очереди.

– Ха-ха... Всякий бы так хотел. Даже сам Дед Мороз так хотел бы. Но нет. Одно из двух.

– Ага... – кивнул Сиреневый. – А черепаха?

– Что черепаха? Уже не про нее!

– А она бы во что превратилась?

– В птичку конечно.

– Ага... Вообще-то это, конечно, не мне решать, – осторожно сказал Сиреневый, – но что-то не знаю я даже, стоит ли такую сказку дарить нашей принцессе. Она ведь у нас все-таки еще маленькая...

– Я и сам не уверен, – признался Салатный.

Как раз в этот момент Сашка с мамой проснулись, и зайцы сразу притихли. Сашка была голоднющая, мама включила глобус-ночник и стала ее кормить. Сашка покушала и снова заснула. А мама заснуть уже не смогла и стала прибираться в комнате. Наткнулась на коробку с зайцами и сказала сама себе:

– А эти что тут делают?! Ну и кавардак... Какой день уже

лежат... А я ведь их ей на Новый год купила. Почему я их тут-то оставила, сама не пойму...

Она вынула зайцев из коробки и спрятала в комод. Зайцы, само собой, молчали. Но чтобы друг друга понять, им разговаривать и не нужно было. Ведь мысль-то у них была одна на двоих. Тихая и счастливая:

«Так-то! И никаких стихов-сказок не надо. Мы сами – принцессе Букашке новогодний подарок. Ура:))»

ИСЦЕЛЕНИЕ ОТВАЖНОГО КРОТА

1

Если Кроту нажать на живот, он хихикает, это всем известно. А вот что самое вкусное у него место – плюшевый нос, это Букашка обнаружила совершенно самостоятельно. И вот лежала она как-то раз на мягком зеленом коврикe и с удовольствием сосала кротовый нос, когда за этим занятием ее застукала мама.

– Эй-эй, – сказала она. – Так ты его испортишь!

Сказала и осторожно, чтобы дочка не обиделась, взяла у нее Крота. Машинально нажала ему на живот... А он не захихикал.

– Ну вот, – вздохнула мама и нажала еще раз... – Уже не смеется.

Тут Сашка захныкала, и мама, пробормотав: «Ладно, потом посмотрю...» – сунула Крота в комод.

Зайцы сразу оживились. Еще бы. Довольно скучно было бы лежать там одним до самого праздника...

– Привет! – сказал Салатный как мог дружелюбнее.

– Ой! – вздрогнул от неожиданности Крот. – Кто здесь?!

– Хы-хы-хы-хы, – радостно засмеялись зайцы. – Свои! А еще говорят, кроты в темноте видят!

– Так и есть! – обиделся Крот. – Только никаких «своих» я тут не вижу. А только двух каких-то разноцветных болванов!

– Хо-хо-хо-хо! – еще пуще развеселились зайцы. – Руга-

ется! Ты чего это такой сердитый?

– Я не сердитый, я расстроенный. Болею я, – объяснил Крот и вздохнул. – Смеяться не могу. Раньше только и делал, что смеялся, а теперь – вообще не могу.

Зайцы смущенно примолкли. Нехорошо ведь над больным потешаться.

– А от чего ты заболел? – осторожно спросил Сиреневый, который лежал к Кроту поближе.

– А я откуда знаю? – снова вздохнул тот. – Раньше я разговаривать не умел, зато вот сюда нажмешь, – указал он на живот, – сразу смеялся. А теперь, видишь, разговариваю, а не смеюсь. Вот нажми, – подставил он живот.

– Да ладно, я и так верю, – смутился Сиреневый.

– Нажми, нажми, не бойся!

– Я и не боюсь, – обиделся тот. – Чего мне бояться?

– А чего тогда не жмешь?

– Просто, не хочу.

– Давай я нажму?! – вызвался Салатный и потянулся через Сиреневого к светленькому кротовьему брюшку. Но тот остановил его:

– Знаешь что, милый, – сказал он, – тебе, между прочим, вообще никто ничего не предлагал. Это меня попросили нажать, а не тебя.

– Но ты-то ведь не хочешь.

– Да? А может, это я из вежливости сказал? Может, как раз хочу? Может быть, даже очень хочу. Но, в отличие от

некоторых, я – заяц тактичный и ненавязчивый.

– Ну-у, брат, так тоже нельзя, – насупился Салатный. – Ни себе, понимаешь, ни людям. Сам не жмешь и другим не даешь.

Слушая их препирательство, и без того невеселый Крол нахмурился еще сильнее:

– Хватит уже мой живот делить, – сказал он. – Нашли игрушку. Я, кстати говоря, еще и не каждому нажимать на него разрешу.

– Понял?! – повернулся Сиреневый к Салатному. – Из-за тебя он теперь и мне нажать не даст!

– Так ты ведь и не хотел.

– С чего ты взял?!

– Ты сам сказал!

– Говорю же тебе, тактичный я! Так-тич-ный! – произнес Сиреневый по слогам. – А-а! Кому я объясняю?! – махнул он лапкой презрительно. – Ты и слова-то, небось, такого не знаешь! Что с тобой разговаривать! – он отвернулся от Салатного и в сердцах так треснул Кролу кулаком в живот, что тот аж хрюкнул от неожиданности. А потом сказал:

– Вот... – и развел лапы. – Не смеюсь.

– Факт, – покивал головой Сиреневый. – Просто беда какая-то. С этим надо что-то делать.

2

А в это время за окном молодой рыжий кот с плутовским выражением морды обогнул черную лужу и шмыгнул к подъезду. «Ага! Вон там я еще не бывал, – глянул он, прищурившись, на светящееся Букашкино окно. – А ведь там, наверное, замечательно! Есть там, наверное, какая-нибудь красивенькая-прекрасивенькая кошечка или какая-нибудь вкусненькая-превкусненькая рыбка...»

Подумав об этом и отметив опытным взглядом, что форточка в приглянувшемся ему окне приоткрыта, котик мечтательно облизнулся и запрыгнул на скамейку. С нее – на штакетник, с него – на окошко первого этажа, а потом – на козырек подъезда. Все это было ему знакомо, привычно и приятно. Пробираясь таким образом к Букашкиной форточке, он, подергивая в такт полосатым хвостом, вполголоса напевал «Улыбчиво-мурлывчатую песню»:

*Улыбайся,
мур, мур, мур!
Развлекайся,
мур, мур, мур!
Жить на свете
интересно
постарайся,
мур, мур, мур!..*

То, что кот был таким жизнерадостным, вполне объяснимо. Он ведь был хозяином этого квартала. Всё тут – и дворы, и дома, и всё, что в них находилось, включая собак и людей, принадлежало ему. Да-да-да, и люди тоже были его, хотя они об этом и не знали. Но он-то знал! Даже когда был еще совсем маленьким котенком.

... Удивляйся,

мур, мур, мур!
Увлекайся,
мур, мур, мур!
И почаще
без причины
улыбайся,
мур, мур, мур!..

– продолжал он. Стоя задними лапами на козырьке подьезда, он изо всех сил, прямо таки по-йоговски, вытянулся и заглянул в комнату. Но как раз в этот момент к окну с Сашкой на руках подошла мама. Котик тут же втянул голову в плечи и спрятался за край оконного проема. «Умный хозяин – осторожный хозяин», – подумал он при этом.

3

Тем временем в комодке разгоралась дискуссия.

– Надо что-то делать! – повторил Сиреневый.

– Я знаю, что, – отозвался Салатный. – Надо нашего Крота вылечить.

– Догадался! – иронично усмехнулся Сиреневый. – Коню понятно, что надо. Вопрос – как?

– Какому коню? – живо поинтересовался Крот.

– Не знаю, признался Сиреневый. – Какому-то коню. Так всегда говорят, когда непонятно.

– Ты не обращай внимания, – поябедничал Кроту Салатный. – Он часто так: скажет, а что сказал – сам не знает...

Сиреневый открыл, было, рот для достойного ответа, но его опередил Крот:

– Давайте не будем про коня, – попросил он. – Чтобы не путаться. Тем более что его тут нет. Давайте про меня, раз тут Я вместо него. Так как же меня можно вылечить?

– Действительно! – поддакнул Сиреневый.

– Ну-у... Надо тебя очень сильно насмешить, – предложил салатный.

– И чем меня можно так насмешить? – спросил Крот озабоченно.

– Анекдотами, – отозвался Салатный. – Конечно анекдотами! Вот, например. Идет по лесу лиса, смотрит, навстречу

Колобок катится. Она говорит: «Колобок, Колобок, я тебя съем». А он говорит: «Я не колобок, я ёжик. Просто, я побрился только что...» Вот какой смешной анекдот, правда?

– Ага, – выдал из себя вежливую улыбку Крот.

– Даже слишком, – глумливо заметил Сиреневый.

– Теперь, давай, ты! – потребовал Салатный, пихнув его локтем в бок.

– Сейчас, – сказал Сиреневый. – Сейчас-сейчас-сейчас...

Так-так-так... Вот! Идет снова по лесу лиса, а навстречу ей снова ёжик. «Ёжик, ёжик, – говорит лиса, я тебя есть не буду, ты колючий». А он говорит: «Я не ёжик, я Колобок. Только не брился давно...»

– Да-а... – протянул Салатный. – Да-а... – Потом подумал и сказал: – Не-ет...

– Что «нет»? – поинтересовался Крот.

– Не вылечим мы тебя анекдотами, – пояснил Салатный.

Юный кот уже стоял на жестяном подоконнике, когда прямо над его ухом раздалось гортанное:

– Вор-ры! Вор-ры! – и угрожающе захлопали крылья.

Кошачья задняя лапка от испуга дернулась и, противно проскрежетав когтями по металлу, сорвалась вниз. А вместе с ней и вторая. Крепко вцепившись в деревянную оконную раму передними лапами, котишка рискованно повис над клумбой. Осторожно обернувшись, он увидел сидящего на ветке рябины плешивого ворона и закатил свои зеленые глаза.

– Какие воры, странная вы птаха? – сказал он, как мог, миролюбивее. – Это просто смешно. Где вы их видите? Ну? Если вы имеете в виду меня, то как, скажите мне на милость, я могу что-то украсть в своем собственном доме?

– Элементар-рно! – выкрикнул ворон, нахохлившись.

Кот осторожно согнул левую заднюю лапу и поставил ее на краешек. За ней – правую... Наконец, усевшись, он уже всем телом обернулся к птице и сказал:

– Ошибаетесь, милейший. Это не так просто, как вы думаете. Да, собственно, никто ничего такого и не собирался...

И, как бы обиженно, отвернулся к стеклу. Тут же позади него раздался угрожающий клекот.

– Да что ж это такое?! – возмутился кот. – Я же только

посмотреть... – и плавно потянул переднюю лапку вверх, к форточке.

– Кар-р!!! – выкрикнул бдительный ворон.

– Своими беспочвенными подозрениями вы меня, право, обижаете... – сказал кот, опустив лапку на место, и прислушался.

Ворон молчал. Рыжий прикинул в уме свои силы, оценил расстояние и возможности птицы...

– Да ну тебя, – бросил он, и одним грациозным движением перемахнул через рамы прямиком в комнату.

– Комшар-р! Кошмар-р! – забился в истерике ворон, подлетев вплотную к оконному стеклу. – Нахальный кошар-ра! Обманул и одур-рачил, набр-рехал и околпачил!..

Но котиска, не слушая его, уже обегал танцующей походкой Букашкину комнату, обнюхивая углы и вновь подбадривая себя песенкой:

*... Не теряйся,
мур, мур, мур!
Не стесняйся,
мур, мур, мур!
В том, что ты
главнее всех
не сомневайся,
мур, мур, мур!..*

Упав на мягкий коврик, от которого приятно пахло чело-

веческим котенком, он перекатился с боку на бок и от удовольствия зажмурился...

5

– Тихо! – поднял лапу Крот. – Что это?

Теперь уже и зайцы слышали необычные звуки: чьи-то истошные вопли за окном и чью-то хитренькую песенку в комнате. Все трое поспешно вскочили и прижались мордочками к щелке.

– Ой! – воскликнул Салатный, увидев кувыркающегося на зеленом Букашкином коврике большого рыжего зверя.

– Это конь?! – возбужденно спросил догадливый Крот.

– Да, конечно, – со знанием дела прошептал Сиреневый и приложил лапку к губам. – Но тс-с! Вспугнете!

– А зачем он нам? – перейдя на шепот, спросил Салатный.

– Пока не решил, – еле слышно отозвался Сиреневый. – Но если вспугнем, решать будет поздно.

*... Улыбайся,
мур, мур, мур!
Забавляйся,
мур, мур, мур!
Никогда и
никому не
попадайся,
мур, мур, мур!*

– пропел рыжий зверь, а потом вскочил на ноги и стал с

блаженным выражением морды мять коврик передними лапами, поочередно впуская в него когти. Такое бесцеремонное поведение зверя возмутило Крота несказанно. Ведь еще совсем недавно он сам валялся на этом коврике со своей любимой принцессой, был счастлив и даже иногда хихикал от удовольствия. А теперь... Мало того, что смеяться разучился, тут еще этот наглый пришелец!

– Эй ты, конь! – закричал Крот в щелку. – Ну-ка перестань портить Букашкин коврик! Ну-ка прекрати немедленно!

Зайцы удивленно уставились на отважного Крота, а тот продолжал:

– Уходи отсюда, конь! Это не твой дом, не твой коврик и не твоя Букашка!

Котик прислушался... Потом, бормоча: «Это кто еще там пищит? Сейчас он у меня допищится...» – упруго покачиваясь, двинулся к комоду.

– Ой-ой-ой, – сказал Сиреневый.

– Да, ой-ой-ой, – согласился Салатный.

Но отважный Крот, казалось, не слышал их.

– Конь! – продолжал он кричать страшным голосом. – Ты меня слышишь, конь?! Уходи из нашего дома!

Котик встал на задние лапы, передними зацепился за щель в комод и, вплотную приблизив к ней морду, заглянул.

– Ты чего это обзываешься, плюшевый? Я тебя трогал? – спросил он Крота, оскалился и угрожающе зашипел: – Пш-ш-ш!!!

Зайцы отпрыгнули вглубь, но Крот не шелохнулся. От ужаса глаза его стали совсем круглыми и совсем стеклянными, но он продолжал кричать:

– Мы тебя не боимся, конь! Убирайся отсюда вон!

– Мя-а-яу! – протяжно взвыл рыжий хулиган. – Пш-ш-ш-ш!!! – И попытался просунуть в щель когтистую лапу. А потом снова: – Мя-а-яу! Пш-ш-ш-ш!!! – И вдруг наострил ушки, замолчал и уставился на дверь.

Тут она распахнулась, и в комнате опять появились мама с Сашкой.

– Это еще что такое?! – воскликнула мама и шагнула к коту. – Ну-ка брысь отсюда!

– Одну минуточку, мамаша, – сказал тот, поспешно отскочив к стене, и глаза его воровато забегали. – Сейчас мы во всем разберемся. Это же явное недоразумение... Я просто проходил мимо...

Не договорив, котик двумя длинными прыжками – сначала на комод, а потом напрямиком в форточку – покинул квартиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.